

Данило Бесщастный. Русская народная сказка

Во городе Киеве у нашего князя Владимира много слуг и крестьян, да был при нем Данило Бесщастный дворянин: придет день воскресный — Владимир-князь всем по рюмке горького подаст, а ему в горб да в горб; придет большой праздник — кому награда, а ему все ничего! Накануне было светлого воскресения, во страстную субботу, зовет Владимир-князь Данилу Бесщастного, отдает ему на руки сорок сороков соболей, велит к празднику шубу сшить: соболю не делан, пуговицы не литы, петли не виты; в пуговицах наказано лесных зверей заливать, в петлях заморских птиц зашивать.

Опостылела Даниле Бесщастному работа, бросил — пошел за ворота, пошел ни путем ни дорогою и слезно плачет. Идет ему навстречу старая старуха: «Мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чем ты, Бесщастный, плачешь?» — «Ах ты, старая пузырьница, — пузырем ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!» Отошел немного и думает: «Зачем я ее разбрал!» Стал к ней подходить и такие речи говорить: «Бабушка-голубушка! Прости меня; вот мое горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделаных соболей, чтоб заутра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шелковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты — пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!»

Говорит ему старуха заплатано брюхо: «А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног, с седой бороною; ухвати его за бороду и бей по тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бесщастный, бьешь меня? А ты отвечай: хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается». Пришел Данило Бесщастный к синю морю, стал у сыра дуба. В самую полночь сине море всколыхалось, вышло к нему Чудо-Юдо, морская губа, без рук, без ног — одна борода седая! Ухватил его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашивает Чудо-Юдо: «За что ты

бьешь меня, Данило Бессчастный?» — «А вот за что: дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы — косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался».

Через малое время плывет Лебедь-птица, красная девица; приплывает к берегу и говорит таково слово: «Что, Данило Бессчастный, от дела лытаешь или дела пытаешь?» — «Ах, Лебедь-птица, красная девица! Где от дела лытаю, а где вдвое пытаю. Вот Владимир-князь дал мне шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты!» — «Возьмешь ли меня за себя? В те поры все будет сделано!» Начал он думу думать: как возьму ее за себя? «Ну, Данило, что думаешь?» — «Нечего делать, возьму за себя». Она крылышками махнула, головкой кивнула — вышли двенадцать молодцев, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчас и дом готов! Берет ее Данило за правую руку, целует во уста сахарные и ведет в палаты княжеские; сели они за стол, пили-ели, прохлаждались, за одним столом обручались. «Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чем не помышляй! Все будет готово».

Уложила его спать, сама вышла на хрустальный крылец, крылышками махнула, головкой трянула: «Родимый мой батюшка! Подавай мне своих мастеров». Явились двенадцать молодцев и спрашивают: «Лебедь-птица, красная девица! Что прикажешь делать?» — «Сейчас сшейте мне шубу: соболи не деланы, пуговицы не литы, петли не виты». Принялись за работу; кто соболь делает да шубу шьет, кто кует — пуговицы льет, а кто петли вьет, и вмиг шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная девица, подходит и будит Данилу Бессчастного: «Вставай, милый друг! Шуба готова, а в городе Киеве у князя Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться». Данило встал, надел шубу и пошел. Она глянула в окошечко, остановила, дала ему серебряну трость и наказывает: «Как выйдешь от заутрени — ударь ею в грудь; весело птицы запоют, грозно львы заревут. Ты сымай шубу с своих плеч да уряди князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас. Станет он тебя в гости звать, станет чару вина подавать — не пей чару до дна, а выпьешь до дна — не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою». Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подает ему три яичка: два серебряные, одно золотое, и говорит: «Серебряными похристосуйся со князем, со княгинею, а золотым — с кем тебе век прожить».

Распростился с нею Данило Бесщастный и пошел к заутрене. Все люди удивляются: «Вот Данило Бесщастный каков! И шуба поспела у него к празднику». После заутрени подходит он ко князю со княгинею, начал христосоваться и вынул нечаянно золотое яйцо. Увидал это Алеша Попович, бабий пересмешник. Стали расходиться из церкви, Данило Бесщастный ударил себя в грудь серебряной тростью — птицы запели, львы заревели, все удивляются, на Данилу глядят; а Алеша Попович, бабий пересмешник, перерядился нищим-каликою и просит святой милостыньки. Все ему подают, только один Данило Бесщастный стоит да думает: «Что я-то подам? Нет ничего!» Ради праздника великого подал ему золотое яичко. Алеша Попович, бабий пересмешник, взял то золотое яйцо и переоделся во свое платье прежнее. Владимир-князь позвал всех к себе на закуску. Вот они пили-ели, прохлаждались, собой величались. Данило пьян напивается, спьяну женой похваляется. Алеша Попович, бабий пересмешник, стал на пиру хвастаться, что он знает Данилину жену; а Данило говорит: «Коли ты знаешь мою жену — мне рубить голову, а коли не знаешь — тебе рубить голову!»

Пошел Алеша — куда глаза глядят; идет да плачет. Попадается ему навстречу старая старуха: «О чем ты плачешь, Алеша Попович?» — «Отойди, старуха-пузырница! Мне не до тебя». — «Ладно же, пригожусь и я тебе!» Вот он начал ее спрашивать: «Бабушка родимая! Что ты мне сказать хотела?» — «А, теперь бабушка родимая!» — «Да вот я похвастался, что знаю жену Данилину...» — «И-и, батюшка! Где тебе ее знать? Туда мелкая пташка не залетывала. Поди ты к такому-то дому, зови ее к князю обедать; она станет умываться, собираться, положит на окно цепочку; ту цепочку ты унеси, и покажь ее Даниле Бесщастному». Вот подходит Алеша к косяцату окну, зовет Лебедь-птицу, красную девицу, на обед к князю; она стала было умываться, наряжаться, на пир собираться: в то самое время унес Алеша цепочку, побежал во дворец и казал ее Даниле Бесщастному. «Ну, Владимир-князь, — говорит Данило Бесщастный, — вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься».

Вот приходит домой: «Ах, Лебедь-птица, красная девица! Что я наделал: спьяну тобой похвалился, своей жизни лишился!» — «Все знаю, Данило Бесщастный! Поди зови к себе в гости и князя с княгинею и всех горожан. А станет князь отзываться на пыль да на грязь, ныне-де пути недобрые, сине море всколыхалось, топи зыбкие открылись, — ты скажи ему: не бойся, Владимир-князь! Через топи, через реки строены мосты калиновые, переводины дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты все

гвоздями полуженными: у добра мблодца сапог не запылится, у его коня копыто не замарається!» Пошел Данило Бессчастный гостей звать, а Лебедь-птица, красная девица, выступила на крылечко, крылышками тряхнула, головкой кивнула — и сделала мост от своего дома до палат князя Владимира: весь устлан сукнами багровыми, а убит гвоздями полуженными; по одну сторону цветы цветут, соловьи поют, по другую сторону яблоки спеют, фрукты зреют.

Срядился князь со княгинею в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством. К первой реке подъехал — славное пиво бежит; около того пива много солдат попадало. К другой реке подъехал — славный мед бежит; больше половины войска храброго тому меду поклонилось, на бок повалилось. К третьей реке подъехал — славное вино бежит; тут офицеры кидались, допьяна напивались. К четвертой реке подъехал — бежит крепкая водка, тому же вину тетка; оглянулся князь назад, все генералы на боку лежат. Остался князь сам-четверт: князь со княгинею, Алеша Попович, бабий пересмешник, да Данило Бессчастный. Приехали гости званые, вошли в палаты высокие, а в палатах столы стоят кленовые, скатерти шелковые, стулья раскрашбные; сели за стол — много было разных кушаньев, а напитков заморских не бутылки, не штофы — реки целые протекли! Князь Владимир со княгинею не пьют ничего, не кушают, только смотрят: когда ж выйдет Лебедь-птица, красная девица?

Долго за столом сидели, долго ее поджидали: время и домой собираться. Данило Бессчастный звал ее раз, и другой, и третий — нет, не пошла к гостям. Говорит Алеша Попович, бабий пересмешник: «Если б это сделала моя жена, я б ее научил мужа слушать!» Услыхала то Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!», крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мох, по четвертую — ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! Захотелось мне тогда князя со княгинею повидать, да стали со двора пихать; я в подворотню шмыг — всю спину сшиб!

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.